

### РАЗДЕЛ III. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Эрлихсон И.М.

#### ЭКОНОМИКО-СОЦИАЛЬНАЯ АНТИУТОПИЯ Б. МАНДЕВИЛЯ «БАСНЯ О ПЧЕЛАХ»: ЦЕЛИ НАПИСАНИЯ, ИДЕЙНАЯ ПАРАДИГМА И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ\*

*Аннотация:* Статья посвящена проблемам развития английской утопической мысли эпохи раннего Просвещения (1689-1714). Анализ сюжета и стилистических особенностей «Басни о пчелах» Б. Мандевиля, написанной в рамках жанра антиутопии и сатиры, позволяет выявить характер мировоззрения автора, а также создать целостное представление о развитии политико-философской и экономической мысли и воссоздать социальную и культурную обстановку вышеуказанной эпохи.

*Ключевые слова:* Англия, XVIII век, общественная мысль, антиутопия, меркантилизм.

Одним из косвенных последствий Славной революции 1689 года стал углубляющийся кризис классической социальной утопической мысли. Этот факт отмечал авторитетный исследователь английской утопии А. Мортон [6, 107-108], его же подчеркивала в отношении народных и так называемых «кооперативных» утопий известный советский историк Т.А. Павлова [8]. Еще одним свидетельством кризиса классической социальной утопии является появление антиутопий: произведений, либо отрицающих саму возможность построения обществ социального справедливости и благоденствия, либо описывающих отрицательные результаты попыток создания идеальных и совершенных миров. К числу таких относятся «Остров Пайна» [1678] Г. Невилля, «Консолидейтор» Д. Дефо [1705], «Остров удовольствия» Э. Уорда [1709]. Представляется вероятным, хотя и требующим доказательств, что этот ряд антиутопических произведений может быть дополнен поэтическим памфлетом Бернарда Мандевиля «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными». Цель басни, которую автор объяснил в «Предисловии» к изданию 1714 г, сводилась к доказательству «невозможности пользоваться имеющимися в распоряжении могущественной нации благами и обладать всеми благословенными добродетелями, равно как невозможно достичь богатства, ведя беспорочный образ жизни» [18, 6-7]. Именно резкий контраст между данным подходом и концепцией Т. Мора о противности общественному благу пороков человеческой природы дали основания высказать гипотезу о том, что «Басня о пчелах» является одной из наиболее ранних антиутопий [9, 38-39].

К критическому осмыслению общефилософских, этических, экономических и социальных идей Мандевиля обращались не только его современники Ф. Хатчесон, Д. Юм, Э. Шефтесбери, Ш. Монтескье, но и философы, историки, публицисты XIX и XX

---

\* © Эрлихсон И.М.

вв. Идеи Мандевиля обратили на себя внимание многих выдающихся экономистов, от А. Смита и К. Маркса до Ф. Хайека и Дж. Кейнса. В данном же исследовании мы попытаемся провести анализ экономико-социальных воззрений Мандевиля в контексте генезиса общественной мысли Англии второй половины XVII - начала XVIII века и определить жанр басни с использованием методологии современной теории утопий. Небольшое стихотворение «Возроптавший улей или Мошенники, ставшие честными» в первый раз появилось в 1705 году. Второе, но уже расширенное издание, наряду с поэмой включающее «Предисловие» и философское эссе «Исследование о происхождении моральной добродетели» и имевшее новое, вошедшее в историю философской и экономической мысли, название «Басня о пчелах, или пороки частных лиц, блага для общества», было напечатано в 1714 г. Именно в приложениях содержались комментарии к стихам, которые были «построены как конкретные пояснения и подтверждения мыслей, сформулированных в строках поэмы, но в сущности (приложения — И.Э.) имели и самостоятельное значение, поскольку в развернутой и законченной форме излагали взгляды автора на «вопросы торговли и экономики, политики и этики, религии и воспитания», именно в этих приложениях содержались и анализ человеческих аффектов и знаменитые парадоксы Мандевиля» [9, 18-19]. В 1723 г. появилось новое издание «Басни», кроме ранее опубликованного материала содержащее две работы «Опыт о благотворительности и благотворительных школах» и «Исследование о природе общества», которые, по сути, являлись детализированными комментариями к «Возроптавшему улью». Именно это издание по не вполне установленным биографами причинам стало предметом судебного преследования и чрезвычайно резкой критики со стороны общественности, которая сочла книгу в высшей степени безнравственной и аморальной. Сам же автор, «втянувшись в полемику, уже не смог с ней развязаться. До конца своих дней он вынужден был разъяснять и растолковывать свои взгляды, изыскивать формы защиты, писать на тему «Басни» все новые страницы. А книга жила» [9, 22].

Использование методологического аппарата современной теории утопий для определения жанра, в котором написан памфлет Мандевиля, и для анализа гипотезы А.Л. Субботина, считавшего это произведение одной из первых антиутопий, делает необходимым кратко воспроизвести сюжет «Возроптавшего улья...». В басне рассказывается история богатого пчелиного улья, который славился своими законами и военной мощью, в котором процветали промышленность, торговля, наука, но который одновременно был рассадником широчайшего спектра человеческих пороков. Мошенничество и обман являлись неотъемлемой частью любой профессиональной деятельности, будь то политика, торговля, юриспруденция, религия, военное дело и даже медицина.

И были в улье в том едва ли  
Занятя, где бы ни плутовали. [3, 11].

Но, как ни парадоксально, именно повсеместный обман был основой процветания и величия улья: порок каждого отдельно взятого члена пчелиного общества, благодаря умелому управлению ульем, способствовал гармонии.

Пороком улей был снедаем,  
Но в целом он являлся раем...  
Весьма искусное правленьё  
Всех пчел хранило единенье [3, 14].

Когда же обитатели улья, устав от непрерывного обмана, взмолились богам, чтобы те сделали их честными, Зевс, «сверкнувши грозным оком», удовлетворил их просьбу, и жизнь в улье изменилась до неузнаваемости. Адвокаты перестали затягивать дела, министры – брать взятки, священники усердно молились, врачи облегчали страдания больных, понизились цены, юные моты стали жить по средствам. И лишь одно омрачало столь идиллическую картину: с ограничением потребностей и опрощением жизни свернулись целые отрасли производства, пришли в упадок ремёсла, искусство и торговля. Лишившийся былого торгового и военного могущества, улей подвергся нападению «коварных соседей» и выстоял лишь ценой полного разорения.

Настолько пчелы опростели,  
Что все в дупло перелетели,  
Где, честной бедностью своей,  
Гордятся, живут до наших дней [3, 20].

Таким образом, абстрагируясь от аллегоричности формы, из сюжета можно выделить три основных хода автора. Это описание существующего состояния социума со всеми его внутренними недостатками, но успешного на государственном уровне; моделирование нового состояния общества, лишённого внутренних недостатков; описание последовавшей за этим постепенной деградации условий жизни в смоделированном «стерильном» социуме и наступившего государственного упадка. Именно эти сюжетные ходы определяют жанровые особенности произведения и будут объектом нашего анализа.

По существующим сегодня философским представлениям об утопическом сознании, утопиях и утопическом - «антиутопию», как самостоятельный жанр, можно очертить следующей совокупностью отличительных особенностей:

- антиутопии есть результат исторической эволюции социальной утопии: «...рисую картину идеального ... мира люди ... задумываются о том, как может выглядеть мир, ... в котором они жить не желали бы и появление которого они хотели бы предупредить [7, 18];

- причины появления «антиутопий», при всем их многообразии, сводятся в первую очередь к критике идей, положенных в основу создаваемых утопистами идеальных социумов всеобщего равенства и благоденствия;

- хотя в настоящее время отсутствует абсолютное единогласие в дефиниции термина «антиутопия», тем не менее, специалисты в этой области относят к «антиутопиям» произведения, характерным признаком которых является отрицание утопизма как такового, и описание в противопоставление ему негативного тупикового мира, возникающего в динамическом развитии некоей искусственно смоделированной утопистом ситуации. Рассмотрение основных сюжетных ходов, использованных Мандевилем в его памфлете, сквозь призму современной теории утопий позволяет отнести «Возроптавший улей...» к жанру антиутопии. А это в свою очередь ставит вопрос о том, какие цели преследовал Мандевиль, выбрав столь редкий для своего времени жанр. Проблема целеполагания автора при работе над «Басней...» в доступной библиографии работ о Мандевиле никогда не акцентировалась либо решалась достаточно прямолинейно. «Басню...» рассматривали как сатирическую атаку на «Общества для исправления нравственности» [17, 6], как обличение христианского ригоризма и лицемерия [15, 325], как критику пороков английского общества в целом, религиозное лицемерие которого удобно сочеталось с поклонением золотому тельцу [11]. В марксистской политэкономии за Мандевилем закрепилась репутация критика капиталистических отношений и буржуазного общества, а М.В. Марков [4, 144] видит «гениаль-

---

---

ность автора в том, что в период зарождения капиталистического строя он смог дать его остроумное и в основном верное описание».

Представляется, что выяснение целевых установок Мандевиля в работе над «Басней ...» в период 1705-1724 гг. должно стать понятным из анализа его отношения к существовавшему в начале XVIII века государственному и экономическому устройству Англии. Во всех произведениях мыслителя видна как безусловная лояльность базовым принципам построения политической власти и экономики, так и обеспокоенность кризисными явлениями в экономике и наличием нерешенных социальных проблем, главной из которых в то время была пауперизация и обнищание масс. «Его социально-экономическая программа рисовала образ буржуазного мира ..., если и не лучшего из миров, то, во всяком случае, лучшего из всех существовавших. Мыслитель считал, что «Должны быть обеспечены собственность и равные права всех людей. Торговля главное, но не единственное условие необходимое для величия страны. Искусство сделать народ счастливым и процветающим заключается в том, чтобы предоставить каждому возможность иметь занятие» [9, 70]. Среди исследователей творчества Мандевиля отсутствует единое мнение относительно его экономических пристрастий. Ф. Кайе считал, что «в «Басне...» Мандевиль вполне определенно излагает теорию, ныне известную как теорию *laissez-faire* и господствовавшую в экономической мысли более ста лет...» [18]. Еще более определенно высказывался Дж. Фуц: «Общественное благополучие, по мнению Мандевиля, должно основываться на свободной экономической деятельности. Государство не должно было вмешиваться в экономическую политику, за исключением случаев защиты прав собственности, общественного порядка и предоставления работы безработным в случае необходимости» [13, 84].

Более взвешенно, и это представляется мотивированным особенно в контексте замечания Т. Грегори: «Ни в один период английской экономической истории, как в эпоху Реставрации, не прослеживалась такая явственная тенденция подведения фактов под предвзятое мнение. Экономическая история конца XVII - начала XVIII вв. ознаменована поиском предшественников Адама Смита и учения *laissez-faire*» [14, 37], относятся к творчеству Мандевиля другие весьма авторитетные ученые. Так Дж. Винер осторожно замечает, что «многие, включая и экономистов, ошибочно причисляют Мандевиля к пионерам экономического индивидуализма в экономике и называют его предшественником Адама Смита. Это неверная интерпретация Мандевиля – ... прочесть его афоризм «частные пороки, общественные добродетели» как девиз теории *laissez-faire*, утверждающий естественную гармонию между частными интересами и общественным благом» [20, 11]. А.Л. Субботин также приходил к заключению о том, что взгляды мыслителя весьма близки к представлениям позднего меркантилизма. И такая оценка творчества Мандевиля, с научной точки зрения, представляется наиболее взвешенной.

Действительно, Мандевиля никак нельзя отнести к ученым, профессионально занимавшимся проблемами политической экономии. Более корректно видеть в нем реформатора, т.е. экономического мыслителя, который, принимая основные положения меркантилизма, старается устранить или согласовать с меняющейся экономической практикой слабые места этого учения. Начав свой анализ с положения о том, что национальная экономика пребывает в состоянии депрессии, Мандевиль сосредоточил свою реформаторскую деятельность на поиске путей стимулирования экономической активности, снижения безработицы и пауперизма. И здесь центральное место занимает его представление о трате как важнейшем средстве стимулирования занятости населения. Подобные идеи в хаотическом виде встречаются и в работах других поздних меркантилистов С. Фортри, Н. Барбона, Д. Норта, которые также

считали потребительские расходы средством достижения полной занятости. Однако вышеупомянутые мыслители говорили о важности трат на товары отечественного производства, стимулирующих занятость и не оказывающих негативного влияния на сферу торговли. Такой подход был тесно связан с широко распространенным среди меркантилистов мнением о недопустимости расходов на излишества. Мандевиль же, по утверждению Дж. Фуца, создал «теорию, до сих пор не превзойденную по силе и форме. ... Он разрубил гордиев узел, отвергнув какое бы то ни было различие между роскошью и обычными товарами, даже при условии, что первая была импортом... Более того, Мандевиль отрицал какое бы то ни было различие между минимально достаточной собственностью и роскошью; для него не имело значения, какой вид труда был бы востребован, если было достигнуто состояние максимально полной рабочей занятости. Для него не важно, являются ли полученные блага законной необходимостью или роскошью в чистом виде, потому что, если нужды людей бесконечны, то все, что может удовлетворить их, не имеет границ: то, что для одних избыточно, для других не более чем необходимость...» [13, 86]. Указанная идея не была просто намеком, проскальзывающим то здесь, то там, как было в произведениях современных ему экономических публицистов, Мандевиль посвятил ей большую часть книги, сделав ее ядром своей теории. Следовательно, в противовес всем существующим мнениям, он рассматривал расточительность и трату денег как важное средство достижения полной рабочей занятости. И такой подход к вопросам потребления, понимание стремления человека к максимально полному удовлетворению своих потребностей самым непосредственным образом подводили Мандевиля к анализу того, как эти естественные интересы людей соотносятся с процессом экономического развития.

Уже античные философы считали личностные интересы, обусловленные самой природой человека, одним из определяющих факторов в поступательном развитии человеческого общества. «С первыми проявлениями капитализма и европейской Реформации ранние представители буржуазной идеологии делают первые попытки вывести те или иные поступки людей из их потребностей или интересов» [2, 20]. В XVII-XVIII веках английские моралисты Э. Шефтсбери, Ф. Хатчесон и философы-просветители К. Гельвеций, П. Гольбах, Д. Дидро и др. также старались объяснить всё многообразие общественной жизни с помощью интересов. В это же время проблема интересов начала привлекать внимание и экономистов. Но для меркантилизма с его доминантой государственности личностные интересы рядового человека просто не существовали, он воспринимался объектом, а не субъектом экономической деятельности. «Меркантилизм - экономическая стратегия, направленная на достижение политического могущества в мире жесткой конкуренции. Направления меркантилизма как практической политики сводились к осуществлению всеобъемлющего государственного контроля над всеми секторами национальной экономики» [12, 179]. Главная идея меркантилизма, по мнению авторитетного исследователя Э. Хекшнера, заключается в следующем: «Взять людей такими, какие они есть, и вести их в направлении, необходимом для процветания государства» [16, 293]. Меркантилисты традиционно указывали на то, что личные интересы противоречат общественному благу. И в этом контексте определение Мандевилем личностных интересов людей как движущей силы экономики можно считать его самым важным вкладом в реформирование меркантилизма и вершиной его научного творчества в экономике.

Исходя из своего понимания человеческой психологии, Мандевиль полагал, что открыл главную движущую силу экономической активности – человеческие потребности и аффекты. Именно в них он видел одно из проявлений личностного интереса: «... я покажу, что те, кто воображает, будто наши общественные добродетели и при-

---

---

ятные качества так же выгодны обществу, как и отдельным лицам, которые ими обладают, совершают грубую ошибку... потребности, пороки и несовершенства человека в сочетании с различными суровостями воздуха и других стихий содержат в себе семена всех искусств, производства и труда...» [3, 216, 225]. Мандевилль одним из первых осознал и отметил, что стремление к преобразованию окружающей действительности является одной из главных антропологических характеристик человека, и в том, что он стремится улучшить в основном личное пространство, нет ничего постыдного. «Именно этому соревнованию и постоянному стремлению превзойти друг друга мы обязаны тем, что после всех многочисленных разнообразных движений и изобретений моды... всегда еще остается plus ultra для изобретательных людей; и именно это дает работу беднякам, прищипоривает трудолюбие и поощряет искусного ремесленника искать дальнейшего усовершенствования» [3, 75].

С другой стороны, столь превозносимые традиционным меркантилизмом бережливость и самоограничения Мандевилль рассматривал в качестве главной причины малой экономической активности. Он называл экономность мнимой добродетелью, бесполезной для страны, занятой в торговле, в которой миллионы тем или иным образом должны заниматься трудом. «Благодарная бережливость, которую некоторые люди называют экономией, служит самым верным способом увеличить состояние семьи; некоторые воображают, что тот же самый способ, примененный в отношении целой страны, будет иметь для нее те же самые последствия. Если вы хотите получить бережливое и честное общество, - продолжал он, - тогда наилучшая политика состоит в том, чтобы сохранить общество в состоянии первобытной простоты, стремиться не увеличивать их численность; пусть они никогда не знают иностранцев и не знакомятся с излишествами, удаляйте и прячьте от них все, что может возбудить их желание или усовершенствовать их разум» [3, 107-109]. Расточительность же, напротив, предлагает тысячи изобретений, мешающих людям сидеть сложа руки, и является источником «огромного разнообразного труда, который способна изобрести человеческая фантазия, дабы обеспечить честный способ заработать на жизнь огромному числу трудящихся бедняков, которые необходимы, чтобы существовало большое общество» [3, 217]. Следовательно, абсолютно бесплодной, с точки зрения приумножения национального благополучия, Мандевилль считал восхваляемую Р. Стилем «порождающую истинное счастье удовлетворенность собой» [1, 115]. «Довольством я называю ту спокойную безмятежность духа, которой наслаждаются люди, когда думают, что они счастливы, и остаются удовлетворенными таким положением, в котором они находятся. Это такая добродетель, одобрение которой очень рискованно и сомнительно», - парировал Мандевилль» [3, 143].

Ставя в центр своей концепции о движущих силах экономического развития частные интересы всех участников экономической деятельности, Мандевилль, однако, не верил ни в спонтанный порядок, зарождающийся из эгоистичных действий людей, ни в идею естественной гармонии между ними. Для того, чтобы обуздать низменные человеческие инстинкты, по мнению мыслителя, необходимы сильная власть и мощный бюрократический аппарат. «Первая забота всех правительств состоит в том, чтобы при помощи самых суровых наказаний укротить его (народа — И.Э.) гнев, когда он приносит вред, и тем самым, усилив его страхи, предотвратить те беды, которые он мог бы вызвать» [3, 121]. Вместе с тем, как тонкий знаток человеческих слабостей, Мандевилль осознавал, что «ожидать, что у власти будут добродетельные люди, значит обнаружить полное незнание человеческой природы» [19, 335]. Из всего этого совершенно очевидно, что идеал общественного устройства Мандевиля вовсе не заключался в безудержном неконтролируемом разгуле человеческих пороков, а «Басня ...» ме-

нее всего была сатирой на добродетель, и ее автор не брал «на себя задачу разрушить сами основы моральной добродетели и поставить на ее место порок» [3, 324]. Мандевиль называл свое творение «книгой суровой и возвышенной нравственности», и утверждал, что «во всех обществах, больших и малых, долг каждого его члена – быть добрым, добродетель следует поощрять, порок не одобрять, законы соблюдать, а правонарушителей наказывать» [3, 135]. При этом, в отличие от Шефтсбери, презиравшего тех, «у кого нет лучших соображений в пользу честности, кроме страха перед виселицей и тюрьмой» [10, 315], мыслитель оставался жестким реалистом и полагал систему наказаний одним из наиболее действенных инструментов государственного управления: «... абсолютная глупость – утверждать, что власть не должна вершить зла, если из этого можно извлечь пользу» [19, 165].

Глубокое понимание диалектики взаимоотношений людей как субъектов экономической деятельности и необходимого государственного управления позволило Мандевилю коренным образом реформировать меркантилистские представления об эффективных границах государственного регулирования. Начало XVIII века ознаменовалось системным кризисом меркантилизма, на основе которого строилась государственная политика. При этом не только представители средней буржуазии, но и «...все прогрессивные мыслители, будь то физиократы, поздние меркантилисты или либералы, испытывали антипатию к тем, кто пользовался преимуществом политической или социальной власти в целях присвоения большей доли дохода» [5, 16]. Однако только Мандевиль увидел сбалансированные границы государственного участия в регулировании экономики, которые бы расширяли отраслевое поле промышленного и аграрного производства, способствовали росту занятости, не устанавливали бы искусственные барьеры вхождения в бизнес и при этом не отступали от фундаментальных принципов меркантилизма. По его представлениям, функция государства должна сводиться к тому, чтобы формировать благоприятный психологический климат для развития экономики: «Великое искусство создания счастливой нации и обеспечения ее процветания заключается в наделении каждого возможностью работать; чтобы достичь этого, власти в первую очередь должны развивать широкий спектр мануфактур, искусств и ремесел, какие только может выдумать человеческий разум; во-вторых, они должны благоприятствовать развитию сельского хозяйства и рыбного промысла в любых их разновидностях», а «... главное дело политика в целом – стимулировать и, если он сможет, вознаградить все хорошие и полезные действия с одной стороны; и с другой, наказать или хотя бы препятствовать всему, что пагубно влияет на общество» [19, 321].

В более традиционном для меркантилизма стиле выдержаны представления Мандевилля о решении проблем занятости и пауперизма, хотя и здесь имели место элементы реформаторства. По мнению мыслителя, за счет стимулирования государством предпринимательской активности должно быть создано такое количество рабочих мест, которое обеспечит полную занятость, но при этом бедные должны получать зарплату, не превышающую прожиточный минимум, и должны постоянно тратить то, что они получают. Тем самым у бедняков появляется стимул к постоянному труду, а в экономике создаются дополнительные потребительские ниши. Одновременно с этим сохраняются внутренние механизмы, препятствующие размыванию имущественных границ — Мандевиль считал нежелательным переход бедняков в категорию более состоятельных членов общества. Этим, в частности, объясняется его негативное отношение к образованию бедных и ставшее, по мнению ряда исследователей, одной из наиболее вероятных причиной столь ожесточенных нападков и преследований мыслителя.

Таким образом, анализ «Басни...» в совокупности со всем корпусом приложений и дополнений, появлявшихся во вновь публикуемых изданиях, позволяет определить мировоззренческую позицию ее автора. Безусловно, все предложенные Мандевилем новые концепции понимания движущих сил экономического развития, границ государственного регулирования экономической деятельности, а также пути решения социальных проблем занятости и борьбы с пауперизмом осуществимы в рамках существующего политического и экономического устройства Англии конца XVII — начала XVIII веков. В этом контексте антиутопия Мандевиля родственна и может быть отнесена к утопическим экономико-социальным проектам обеспечения занятости и борьбы с нищетой, которые предлагались П. Чемберленом, П. Корнелиусом и Дж. Беллерсом. Мыслитель, как и перечисленные утописты в своих проектах, переходит, хотя и с несколько разных позиций, к персонификации работающего индивида: Корнелиус и Беллерс для своих общин подбирают профессионально подготовленных, желающих работать и улучшать свое имущественное и социальное положение бедняков, а Мандевиль идет значительно дальше, видя в каждом активном субъекте экономики ее развивающееся начало. В этом смысле мы можем говорить о неких зачатках индивидуализма, столь характерного для грядущей эпохи Просвещения.

Вместе с тем, гипотеза о том, что в мыслитель в своих работах предвосхитил положения классической политэкономии А. Смита не находит серьезных доказательств, т.к. центральные представления этих учений: анализ природы появления прибыли, «игра с ненулевыми суммами», «концепция невидимой руки», теория *laissez-faire*, в произведениях Мандевиля отсутствуют. Лишь в отдаленной степени можно рассматривать выдвинутую мыслителем сугубо философскую идею об аффектах как мотивах экономического поведения человека как предвосхищение отдельных положений А. Смита о моральных мотивах поведения хозяйствующего субъекта. Более убедительным представляется вывод о меркантилистических убеждениях мыслителя. Предложенные им новации о личностных интересах субъектов экономической деятельности как движущей силы экономического развития и перенос эпицентра государственного регулирования с предоставления отраслевых или монопольных преференций на стимулирование развития отраслей промышленности с высокой потребностью в трудовых ресурсах и на организацию законодательного поля, в смысле гарантий прав собственности и одинаковых конкурентных условий, никоим образом не выходят за рамки основных принципов зрелого меркантилизма.

Вместе с тем, между работой Мандевиля и утопиями Чемберлена, Корнелиуса и Беллерса безусловно есть и отличия. Главным из них является то, что, в отличие от социальных реформаторов, стремящихся не только обеспечить трудовую занятость бедняков и пауперов, но и решить их социальные проблемы, мыслитель оставался последовательным носителем буржуазного мировоззрения, для которого классовое и имущественное расслоение общества было естественным и неизменным. В отличие от работ вышеупомянутых мыслителей, жанровая принадлежность которых очевидна, идеи Мандевиля были настолько неоднозначны, что «Басню» характеризовали с разных, порой противоположных позиций. Дж. Фуц называл ее «индивидуалистической утопией высокой исторической значимости. Эта утопия, ставшая катализатором идей, благодаря своей силе и откровенности освободила многих людей от вечного поиска оправдания их действий и отправила их по волнам океана экономической свободы» [13, 93]. Но проведенный анализ позволяет, скорее, согласиться с Л.А. Субботиным: «Об Утопии, о Золотом веке говорится в заключительных стихах «Возроптавшего улья». И тогда напрашивается мысль: не следует ли рассматривать мандевильевскую басню и как одну из ранних антиутопий? Развитие сюжета мандевильевской «Басни»,



если позволить себе аналогию, подобно ходу логического доказательства посредством сведения к абсурду, где в роли «абсурда» выступает как раз Утопия» [9, 39-40].

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:**

1. Аддисон Дж. Стил Р. Эссе из журнала «Зритель», 19 мая, 1711// Англия в памфлете. М., 1987.
2. Канапухин П.А., Хаустов Ю.И. Генезис научных представлений об экономических интересах. Вестник ВГУ, серия «Экономика и управление». 2005. № 2.
3. МанDEVиль Б. Басня о пчелах или пороки частных лиц – блага для общества. М., Наука, 2000.
4. Марков М. В. «Басня о пчелах» МанDEVиля и ее восприятие в экономической науке XVIII-XX вв. // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2003. Вып. 1.
5. Мокир Дж. Меркантилизм, Просвещение и промышленная революция// Экономический Вестник Ростовского государственного университета. 2006, Т. 4. № 1.
6. Мортон А.А. Английская утопия. М., 1963.
7. Морщикина Л.А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований. Дисс. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2004.
8. Павлова Т.А. Английская народная утопия. М., 1998.
9. Субботин А.Л. Бернард МанDEVиль. М, 1986.
10. Шефтсбери. Sensus communis //Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1975.
11. Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2.
12. Buck W.P. The politics of mercantilism. New York, 1974.
13. Fuz J. K. Welfare economics in English utopias. The Hague, 1952.
14. Gregory T.E. The economics of employment in England, 1660-1713// *Economica*. -1921.- № 1.
15. Harth Ph. The satiric purpose of The Fable of the Bees. - *Eighteenth Century Studies*. 1969, Vol. 2.
16. Heckscher E. Mercantilism. L.1934. Vol. 2.
17. Horne T. The social thought of Bernard Mandeville. New York, 1978
18. Mandeville B. The Fable of bees// ed. by F.B. Kaye. L., 1924.Vol.1
19. Mandeville B. The Fable of bees// ed. by F.B. Kaye. L., 1924.Vol.2.
20. Viner J. Inroduction// Mandeville B. A letter to Dion. Berkeley,: Augustan reprint, 1953.

I. Erlihkson

**ECONOMIC-SOCIAL DYSTOPIA OF «THE FABLE OF THE BEES» BY B. MANDEVILLE'S: THE WRITING PURPOSES, AN IDEOLOGICAL PARADIGM AND GENRE FEATURES**

*Abstract:* The article is devoted to English utopian thought development in the Early Enlightenment epoch (1689-1714). The analysis of the plot and stylistic peculiarities of «The Fable of the bees» by B. Mandeville written in the genre of dystopia and satire allows to discover political ideology character of the investigated author, to give a full insight of political, philosophical and economic thought development and to reconstruct socio-cultural atmosphere of aforesaid period.

*Key words:* England, 17th century, social thought, dystopia, mercantilism.